

«Подвижники нужны как солнце...»:
к 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева

С рождением человека рождается и его время. Жизнь Дмитрия Сергеевича Лихачева расположилась по всей длине нашего 20 века: случились две революции, прошли две мировые и десятки малых войн, столица перестала быть столицей. За это время был создан и распался СССР. В течение его жизни чеховские усадьбы сменились нечеховскими переключками в соловецких бараках, очередями в магазинах... Удивительным образом возникли новые усадьбы, новые предприниматели, новые дворяне... Этот исторический материал явился для Лихачева материалом собственной жизни.

Долголетие - дар Божий. И это двойной дар, когда он дается одному из самых глубоких умов своей эпохи.

Творческое долголетие Дмитрия Сергеевича – явление уникальное. Это не только творческое долголетие, но и физическое. Возможно, это результат двух вещей: его добродетельного отношения к людям и постоянной, безостановочной работы мысли.

Он был своего рода Ноем русской культуры. Со страниц его книг, как из некоего ковчега, сходили святители, преподобные, благоверные князья и праведные жены. Его работы погружали читателя в совершенно иные времена и обстоятельства. Он сделал культуру Древней Руси достоянием не только научного, но и общественного сознания.

Необычность его положения в обществе основывалась на том, что он был человеком вне иерархий. Это было сознательной позицией, проявившейся еще на Соловках. Находясь в нечеловеческих условиях лагеря, он был способен бросить на эту жизнь сторонний взгляд.

Им были написаны статьи о воровском жаргоне и о картежных играх уголовников. Любые обстоятельства он способен был сделать материалом для исследования. Он был способен улыбнуться сочетанию в речи конвоиров материцы с французским - конвоиры были некогда царскими офицерами.

Может быть, как раз пребывание в лагере утвердило его в необходимости держать с окружающим миром дистанцию. Были ли его занятия древнерусской литературой формой внутренней эмиграции? Объективно - да. Но Лихачев никогда не стремился к открытому диссидентству. Он выбрал иной путь: он был не *против* системы, он был вне ее. Эта позиция не имела ничего общего ни с равнодушием, ни с презрением к современности, ни, тем более, со страхом. Когда выбирать приходилось между лаконичными «да» и «нет», он не испытывал колебаний.

В свое время Лесков делал различие между подвижничеством и *героизмом*, считая последний чем-то однократным, а порой и случайным. Выше он ставил подвижничество, требовавшее постоянного напряжения нравственных сил. По природе своей Дмитрий Сергеевич был подвижником, но жизнь требовала еще и героизма.

Тому пример его отказ подписать организованное Академией наук письмо против Сахарова, после чего Лихачев был жестоко избит в парадном своего дома. А ведь его возраст и состояние здоровья предоставляли широкое поле для маневра. Его смелость не была отсутствием страха по незнанию. Впоследствии его спросили, правда ли, что это письмо было им разорвано. Он ответил, что такие вещи делались по телефону. «А, кроме того,- добавил он, смеясь, - это не мой стиль»

Стиль - это то, без чего феномена Лихачева не понять. Не только то, о чем говорил и писал Дмитрий Сергеевич, — сама его манера произносить, тембр голоса и жесты — намекали на какую-то другую действительность. Своим появлением на экране он с очевидностью доказывал, что тихий голос гораздо эффективнее крика. Будучи на виду, он привлек внимание к академической среде и интеллигенции в целом.

Стиль воплощался и в его облике. Красивый в молодости, он остался красивым и в дальнейшем. Слово «старость» не определяло последние десятилетия его жизни. Он избегал атрибутов старости и в институт предпочитал ходить без палочки.

Закаленный лагерем, блокадой, он преодолел и старость. Он не принимал ее всерьез, не признавал ее власти и посмеивался над ней.

Был и еще один способ преодоления старости: не давать себе послаблений. Он посещал все научные заседания. И не просто посещал. То, что он говорил, не было величавой оценкой мэтра. Это были выступления профессионала — с указанием фактов, дат и библиографии.

Лихачев был замечательным рассказчиком. Перед научными заседаниями были его рассказы за чаем. Лихачев рассказывал о своих поездках и встречах. Эти зарисовки сопровождалось скупыми, но точными жестами. Гуляющая по Летнему саду Ахматова и пришедший к нему в гости Солженицын, поездка в Англию по приглашению принца Уэльского - все это напоминало сказочный калейдоскоп...

Он был человеком огромного темперамента. Темперамент зачастую ошибочно связывается с громким голосом и энергичными жестами, а ведь это не так. Самый сильный темперамент - внутренний.

Издавая фундаментальные труды по древнерусской литературе, Лихачев написал книгу о садах, занимался Достоевским, Лесковым, был депутатом, возглавлял Фонд культуры и т.д. — при этом всякий раз он начинал сначала.

Человек такого темперамента мог быть *разным*. Несмотря на внешнюю сдержанность Лихачева, этот темперамент был очевиден и в повседневной жизни: как доброе его отношение сквозило во всех его словах и действиях, так и если уж он не любил - то не любил пламенно. Он мог быть «грозным» и жестким.

Круг семьи был для Лихачева главным. Люди его поколения к семье вообще относились по-особому - в годы репрессий эта сфера оставалась едва ли не единственной, где общение было безопасно. Большая часть его *личного* общения была связана с домашними, именно в семье находились его самые близкие друзья.

Во многом то же семейное отношение было им перенесено на Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома, где он проработал более 50 лет. Одному из сотрудников Лихачев однажды сказал: «Вы не понимаете, что живете на острове». Это был действительно остров, куда можно было причалить и работать, не обращая внимания на бушующие стихии.

Из забвения на свет Божий выходили сотни неопубликованных и неведомых текстов XI—XVII веков. Венцом этого грандиозного замысла Лихачева явилась двадцатитомная «Библиотека литературы Древней Руси».

Сектор был не только научным сообществом. В нем протекала радостная жизнь с выездными заседаниями в других городах, с поздравлениями, капустниками, застольями. Дмитрий Сергеевич вообще очень любил пиры и обдумывал в их организации каждую деталь.

Он создавал атмосферу храма, а есть вещи, которые в храме делать неприлично. Их и не делали. Это же можно отнести и к нескончаемому потоку посетителей Лихачева, которые «подтягивались» в его присутствии.

Его петербургское пространство обладало невероятной глубиной времени. Всякий дом в городе мог кивнуть ему, как давний знакомец.

Он знал Петербург как мало кто другой и относился к нему с той особой заботливой любовью, которую народная речь облекает в емкое слово «жалеть». Все, что происходило с городом последние восемьдесят лет, удручало его.

Он понимал, что у «города трагической красоты» свой путь, не связанный ни с развитием промышленного производства, ни с монументальным творчеством Зураба Церетели. Размах этого города проявляется в ином измерении и не имеет ничего общего с величиной или

громкостью.

Наличие великолепных музеев и библиотек обеспечивало городу определенный иммунитет по отношению к тому, что в разное время происходило в стране. Само их присутствие в городе, их удивительное энергетическое поле позволяли всякий раз восстанавливать то, что было потеряно или отобрано. Особая предназначенность Петербурга виделась Лихачеву на разных уровнях — от его уникальной ауры и до того очевидного факта, что культурный потенциал города является, по сути, его «промышленностью». Работа на благо Петербурга являлась одной из важнейших сфер деятельности Дмитрия Сергеевича.

Может быть, как раз петербургское гражданство Лихачева обусловило особенности его чувства к Родине. Это было чувство жителя мирового города. Это был патриотизм космополита в христианском понимании этого слова — любовь к своему как к части общего, любовь через утверждение себя, а не через унижение других. Его любовь к России и русской культуре была глубокой и естественной, не зависевшей ни от современного ему состояния страны, ни от переменчивой моды на слово «патриотизм».

К своей огромной славе он относился спокойно и нес ее с чрезвычайным достоинством. Слава не изменила ни привычного уклада его жизни, ни круга общения. Лихачев остался верен своей академической среде.

Большая часть его жизни проходила в дачном поселке Комарово. Здесь он работал, принимал гостей из всех стран. В крохотном палисаднике две скамейки, нет забора, нет сауны. Его жизнь никогда не расходилась с тем, что он проповедует.

Будучи христианином, Дмитрий Сергеевич рассматривал свой путь как движение вертикальное, как дорогу к небесной родине. Может быть, поэтому для него так важны были оценка и осмысление этого пути, предпринятые в «Воспоминаниях», одной из самых значительных его книг.

Наша наука богата талантами, но в ней не хватает тех, кого можно назвать духовными учителями. Кому можно доверять как нравственному примеру. Дмитрий Сергеевич приобрел авторитет необходимого нашей эпохи духовного учителя. И этот авторитет питался родным делом Лихачева – исторической наукой.

Он ушел 30 сентября под знаком Софии Мудрости, в день не менее символический для его духовного облика, - в день Веры, Надежды и Любви.

«Я мыслю себе 21 век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющее талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести – вот то, что нужно нам в 21 веке.». Д.С. Лихачев, «Книга беспокойств», 1990 г.